

A movie poster for 'Samylyar Nевидимых миров'. It features a young couple standing in a field of yellow daisies. The woman has long, wavy red hair and is wearing a teal dress, holding a black cat. The man has blonde hair and is wearing a black coat. In the background, there is a black wrought-iron gate and a landscape with mountains and a cloudy sky. In the top left corner, there is a circular frame containing a roaring brown bear's head.

ЛЮДМИЛА ЗАКАЛЮЖНАЯ

САМИЛЪЯР
НЕВИДИМЫХ МИРОВ

Людмила Закалюжная

Фамильяр невидимых миров

«Автор»

2024

Закалюжная Л.

Фамильяр невидимых миров / Л. Закалюжная — «Автор», 2024

Я — правнучка могущественной ведьмы, Яся Калинина, но мне силы не досталось. Я — самая слабая в своем роду. Единственное, с чем мне повезло, так это с фамильяром. Он обладает удивительной способностью поглощать проклятья, и от заказов у нас нет отбоя. Вот и таинственный, но богатый князь решил пригласить нас в свою усадьбу. Согласиться? Оплата высока. Однако стоит отметить, что о князе ходят разные слухи — никто его никогда не видел, а усадьба окутана мраком недобрых преданий. Объятия тьмы и искушение богатства словно зовет к себе, но какую я заплачу цену?

Людмила Закалюжная

Фамильяр невидимых миров

Пролог

Ночь — прекрасное время суток для темной магии. Можно не только наколдовать опасные вещи, но и вызвать фамильяра из мира духов. Моя бабуля Таисия как раз сейчас этим и занималась, поставив меня в центр круга, который освещали десять свечей. Фамильяр Таисии, огромный черный ворон, сидел на нижней ветке сосны и наблюдал за нами немигающим взглядом.

– Бабушка, ты уже больше часа ходишь вокруг. Может, домой пойдем, завтра еще попробуешь, – с надеждой попросила я. Старшие сестры обзавелись фамильярами в десятилетнем возрасте. Моя же сила оказалась настолько слаба, что в пятнадцать лет я все еще не была связана с миром духов. Это беспокоило всю родню, и бабуля все чаще уводила меня в лес, где я стояла до утра, так и не получив фамильяра.

– Ярослава Калинина! Я вижу, тебе нисколько не стыдно передо мной. Ты даже не стараешься призвать духа. Как ты собралась дальше жить без фамильяра? Если не думаешь о себе, то пожалей меня. Мои ноги уже устали. Хватит бездельничать! – сердито воскликнула Таисия и стукнула по земле палкой. Алый платок бабули съехал в сторону, но на эти мелочи старая ведьма не обращала внимания. Волнами перекатывался подол широкой юбки, вспыхивали серебряные искры. Словно магия сердилась вместе с Таисией.

– Мне очень жаль, что я такая... слабая, прости, бабушка, – с раскаянием прошептала я. Бабуля тут же больно огрела меня палкой по мягкому месту.

– Прекрати ныть! Ты принадлежишь к клану ведьм, а мы никогда не слыли слабачками. Не вышло в первый раз призвать духа, получится в десятый. Сотый! – Таисия стукнула палкой о землю, и серебряные искры разлетелись в разные стороны. Скрылись в траве, продолжая гореть, как светлячки.

– Повторяй за мной! – Бабушка подняла руки, из палки вверх устремился вихрь молний. Таисия была хоть и старой, но сильной ведьмой. Она, возможно, отдавала последние силы, чтобы ее бездарная внучка обзавелась духом, призванным служить ведьме. С помощью магических уз фамильяр и его хозяйка будут тесно связаны между собой. Навсегда. Мне стало стыдно, и я собрала свои крохи магии, вскинула руки. Почувствовала, как защипало кончики пальцев от искр магии, и стала повторять заклинание за бабушкой:

– Призываю тебя, свободный дух!

Стань добровольным помощником ведьмы.

Заклучим навсегда с тобой вечный союз.

Я отдаю свою кровь, ты – магию неба.

Наши с бабушкой голоса слились в унисон. Хриплый старухи и звонкий молоденькой ведьмы. Ветер усилился. Он принес аромат сосен, ночной свежести. Я вдруг ощутила силу... прямо в воздухе. Она окутала теплом, будто Таисия завернула меня в одеяло и уложила греться на печку. Становилось все жарче. Мой голос звучал все громче. Я уже не слышала бабулю, лишь вой ветра и видела, как в черном небе среди блестящих точек звезд движется серое облако. Оно спешило ко мне, падая камнем, сгорая, превращаясь в маленький уголек. Кожа на моих ладонях треснула, и капли крови вопреки всяким законам мироздания устремились к смелому духу. Его падение замедлилось, когда моя кровь соприкоснулась с тельцем фамильяра, и оно плавно упало в мои руки.

– Какой хорошенький, – прошептала я с восхищением, глядя на теплый, мохнатый комочек. Черная шерстка и носик. Я уже любила своего фамильярчика всей душой. Он чихнул, и я заулыбалась от умиления. – Бабушка, смотри. Он чем-то похож на лисичку, только черный.

– Яся, положи его сюда, чтобы малыш согрелся, – хриплым голосом произнесла бабуля, протягивая мне шерстяную шапку. Я осторожно переложила туда посапывающего фамильяра. Ворон слетел с ветки на левое плечо Таисии, но бабуля вместо того, чтобы сильнее согнуться, наоборот, выпрямилась. Фамильяр делился с ней силой, и бледность уходила с лица старой ведьмы, возвращался румянец. – Дай-ка взгляну на него.

Я протянула шапку, и, пока бабушка, опершись на палку, осматривала вместе с вороном моего фамильярчика, я думала над его именем.

– Надо же, Яся, – вдруг присвистнула бабуля. – Пусть этот дух еще мал и у ведьм-подростков фамильяры уже намного крупнее, ты получила от Создателя редкий экземпляр.

– Как у Риты, он дышит огнем? – спросила я, размечтавшись, как буду хвастаться старшей сестре. Я до сих пор не могла поверить, что у меня получилось призвать духа. Волнение не утихало и охватывала радость... я так хотела поделиться ею со всеми. Из носа пошла кровь, и я просто стерла ее рукавом платья. Напряжение отпускало, мои руки начали дрожать, и усталость нахлынула... разом.

– Нет, – усмехнулась старая ведьма. – Кое-что поинтересней.

– Хм, – задумалась я. У средней сестры Вали фамильяр мог легко менять форму и размер, а также становиться невидимым.

– Яся, ты заполучила пожирателя проклятий.

– О! – Мои колени подкосились, то ли от слабости, то ли от понимания, и я плавно опустилась на траву. Ладони горели, но я не замечала боли. Я никогда особо не задумывалась, чем буду заниматься. Вот Рита сразу знала, что будет поступать на факультет боевой магии. Валя собиралась на факультет иностранных языков, чтобы ездить по разным странам. А я бралась за одно дело, потом бросала и занималась другим, так толком ничему и не научившись.

Фамильяр определял будущее ведьмы, ее род занятий. Нас всех учили колдовать, варить зелья, насылать проклятья и снимать их, лечить. Но все же, когда у ведьмы был фамильяр, считалось, что она видела свой путь. Не всем везло, как нашей семье Калининых и не каждому духи откликались во время ритуала. Бабушка не просто так торопилась: ведь после моего совершеннолетия, никакой призыв бы не помог.

Таисия, несмотря на столетний возраст, была еще полна сил. Пока я приходила в себя, ведьма потушила свечи и собрала их в корзинку. Туда же она хотела положить спящего фамильяра.

– Я понесу его сама, – заупрямилась я. – Мой Пепел, теперь ты всегда будешь со мной.

Я даже не удивилась, когда назвала фамильяра по имени. Словно я всегда знала, как зовут моего духа.

– Пепел? – глубоким низким голосом произнес ворон. – Странное имечко.

Спорить с Умником бесполезно. Как самый старший фамильяр, он считал, что имеет право учить внушек Таисии.

– Пепел, потому что сгорел, – повторила я слова, которые крутились в голове. Умник фыркнул, затем сунул длинный клюв в шапку. Потыкал малыша в бок, чтобы он перевернулся.

– Надо же, такой редкий дух и попался в руки слабой ведьме, – пробормотал Умник, а затем взглянул на меня. – Неспроста это все. Чую, неспроста.

– Прекрати нести чушь, – прикрикнула на ворона Таисия, но я заметила в темных глазах бабули беспокойство. За гневом она всегда прятала страх. Я давно это поняла. Помню, как лежала с температурой, и мама никак не могла ее сбить. Таисия дала нагоняй всем, палкой огрела даже отца, а потом начала меня лечить, никого не подпуская к больной внучке.

– С таким фамильяром наша Яся станет одной из самых сильных ведьм и принесет в ковен много золота, – Таисия погладила меня по каштановым волосам.

– Или много беды, – ляпнул Умник и, ловко увернувшись от бабулиной палки, взмыл к ночному небу.

– Негодник! – погрозила ему вслед старая ведьма. Таисия забрала у меня шапку с Пеплом, аккуратно положила его в корзину. Перемотала мои раненные руки, затем помогла подняться, и мы медленно побрели домой. Я засыпала на ходу и почти не помнила, как добралась до собственной комнаты. Нас никто не встретил. Мы с Пеплом сладко уснули, он в шапке на моей подушке, я – на кровати. Слова ворона забылись как-то сами собой.

Глава 1

Спустя пять лет

Холод не давал вдохнуть, обжигая легкие. Черная петля проклятья кружила над лежащей на кровати десятилетней девочкой, которая была бледнее простыни. Темные вены как змеи копошились под тонкой кожей ребенка. Света лежала в одной сорочке, распластавшись на кровати. Родители девочки стояли за моей спиной, и я слышала раздражающее поскуливание матери. Никто из них не видел проклятья, которое тянуло из ребенка жизненную силу. Тонкая серебряная нить запуталась в черноте, и нам с Пеплом предстояло размотать клубок.

Девочка тяжело дышала, ее кожа на глазах синела, а изо рта вырывалось смрадное дыхание.

– Я помогу вашему ребенку, но вы должны выйти из комнаты, – произнесла я, взглянув на испуганных родителей Светы.

– Не-е-ет, – зарыдала мать. – Я не могу оставить ее одну. Ей страшно! Понимаете?

Я взглянула на отца.

– Поторопитесь, важна каждая секунда.

Мужчина сжал губы и кивнул.

– Идем, Агата, – главе семейства пришлось силой выводить жену за дверь. И когда мы остались одни, я спросила Пепла:

– Справишься?

– Еще бы, – усмехнулся фамильяр и, хитро прищурившись, произнес: – Только ты пообещай, что испечешь для меня медовый торт.

– Ты в своем уме? – прошипела я, взглянув на девочку. Она еле дышала. – Нашел место и время, когда выпрашивать торт. Сделаю.

Фамильяр довольно завилял хвостом и направился к кровати. Нет, Пепел никогда мне не отказывал. Бывало, что капризничал и тогда его требования становились невыполнимыми для слабой ведьмы. Приходилось выкручиваться, чтобы успокоить негодника. Другого выхода просто не было. Я не старшая сестра, которая взглядом могла приструнить наглого фамильяра. Или средняя, ей стоило лишь прикрикнуть, и дух затихал. Пеплу и торт особо не нужен. Он ведь дух и мог не есть, не пить и даже не дышать. Однако от сладкого фамильяр никогда не отказывался. Особенно любил мед, мог запросто литровую банку вылакать. Поэтому бабуля в доме мед прятала.

– Не беспокойся, Яся, – подмигнул Пепел и легко запрыгнул девочке на грудь. – Это проклятье только на вид страшное. На самом деле оно не такое уж и сильное, всего лишь зависть одноклассницы, они вместе за одной партой сидят. Света и не подхватила бы заразу, если бы покрепче была. Ее вымотали тренировки, девочка ослабла и не смогла противостоять тьме. Высыпаться надо, для здоровья это важно. Фамильяр высказывал все это с умным видом. Я хотела съерничать, что меня учить не надо, но промолчала. Время – жизнь ребенка.

– А чему одноклассница позавидовала? – спросила я. Фамильяр всегда рассказывал историю, как появилось проклятье и почему. Мне всегда было интересно слушать, я впитывала новые знания, как губка. Слабой ведьме рекомендовалось читать умные книги и побольше. Я от них засыпала, и Пепел стал для меня кладезем информации.

– Понимаешь, Света не просто хорошо танцует, она живет в танце. Движения девочки плавные, гибкие и в пару ей поставили такого же талантливого мальчика. Красивого к тому

же. Вот одноклассница и позавидовала. Все у Светы есть, а у нее ничего. И фигурой не вышла, и лицом. А то, что Света столько труда вложила, прежде чем начала так танцевать, подруга и не заметила.

Пепел прикоснулся мокрым носом к носу девочки. Ее рот приоткрылся шире, и черное облако вышло наружу. Света задышала часто-часто. Я взглянула наверх. Тучи проклятья сгустились сильнее, окружая плотными объятьями серебряную нить.

– Держи серебро, Яся, – прошептал Пепел. Он слегка пригнулся, готовясь к прыжку. Пусть я самая слабая ведьма в роду, но и от меня толк есть. По моим пальцам заискрилась магия и оплела кисти как перчатки. Я осторожно прикоснулась к еле теплой серебряной нити, здесь главное – не пережать и не допустить, чтобы проклятье высосало из девочки жизнь.

Пепел устремился вверх. Его черное тело почти скрылось в расплывающейся темноте. Проклятье зарычало, засверкало молниями. Нить в моих пальцах дрогнула, я услышала тихий звон, словно ветер коснулся колокольчиков. Света неожиданно открыла глаза, и я вздрогнула от их вида. Чернота затопила белки.

– Яся, что же ты натворила? Зачем привела его ко мне? Мы могли с тобой договориться. Я бы сделала тебя могущественной, – хриплым, мерзким голосом заговорила девочка. Она села в кровати, и ее лицо теперь стало так близко, что я увидела забитые поры и темную сеточку капилляров. Смерд изо рта усилился, как и ветер. – Ты такая слабая. Даже толком держать не умеешь.

Серебряная нить зазвенела, натянулась, как струна. Если она порвется, то девочка умрет. Я посмотрела наверх, где Пепел бился с проклятьем. Фамильяр разрезал черноту и с открытой пастью бросался в самую гущу. Пусть я слабая, но все-таки ведьма.

– Заткнись! Тебя никто не спрашивает. И Свету мы спасем, – рявкнула я. С моих пальцев магия волнами пошла по серебряной нити, и я осторожно стала тянуть жизненную энергию вниз. Она поддалась не сразу, но натяжение ослабло.

– Ничего у тебя не получится. И у него тоже, – прошипело в самое ухо проклятье. Я старалась не дышать, так воняло. – Все равно *она* до вас доберется и сотрет в порошок.

– Кто она? – спросила я, взглянув в черные глаза девочки. Не первый раз мне угрожали. Клялись, что мы скоро с Пеплом попадем в ловушку. Никогда не называли имени того, кто мечтал нас с фамильяром уничтожить. Пепел на все угрозы презрительно фыркал. Он считал, что справится с любым проклятьем. Фамильяр своей самонадеянностью до ужаса бесил Умника, и ворон часто гонял Пепла, пытаясь клювом ударить его по голове.

– Сюрприз вам будет, – противно захихикало проклятье. И тут же завывало. Пепел поглощал черноту, и она пыталась зацепиться за тело, потянув за собой светлую кожу девочки. Блям. Раздался звук, словно что-то оборвалось. Серебряная нить быстро возвращалась в тело Светы, и моя помощь больше была не нужна. Пепел втянул последние черные капли, облизнулся и, довольно щурясь, опустил мне на плечи. Улегся теплым воротником. После пожирания проклятья Пепел обычно сыто засыпал и сопел мне на ухо.

В комнате сразу стихло. Света открыла глаза, заморгала, пытаясь прийти в себя. Потом посмотрела на фамильяра, на меня, снова на фамильяра.

– А где... мама? – прошептала девочка, и в ее голубых глазах заблестели слезы.

– Ты сильно болела, поэтому ничего не помнишь. Сейчас позову, – улыбнулась я. На кончиках моих пальцев еще плясали молнии, и Света с удивлением разглядывала серебряные искры.

– Вы... ведьма? – вдруг сообразила девочка. – А это ваш... фамильяр?

Я кивнула. Сейчас Света захочет его погладить, вон уже и ручку подняла. Пепел не любил, когда до него дотрагивались чужие, мог и укусить девочку, несмотря на то что некоторое время назад спас. Поэтому я быстро поднялась, направилась к двери и открыла ее. Прямо на полу сидели бледные родители. Увидев меня, они подскочили и бросились к дочери.

Света плохо что помнила и не поняла, почему мама заплакала, а отец крепко прижал обеих к себе со словами:

– Мои девочки... мои.

Семья забыла о своих спасителях. Вот поэтому я всегда брала оплату вперед и тихонько уходила прочь, но не в этот раз. Я хотела увидеть одноклассницу Светы, чтобы выяснить, откуда у ребенка оказалась сила наложить проклятье, на такое способны только ведьмы. Так бы каждый завистник раздаривал проклятья направо и налево. Мало проклясть, надо еще сделать так, чтобы отдача не прилетела, когда это самое проклятье будут снимать. А еще просто необходимо было увидеть эту девочку, возможно, тогда я смогу найти её, которая постоянно угрожала мне и Пеплу. Поэтому я продолжала стоять в комнате, фамильяр сопел в одно ухо, а кончиком хвоста щекал другое. Когда слезы у всех троих закончились, я спросила:

– Света, а не подскажешь мне, где твоя соседка по парте живет?

Семья удивленно уставилась на меня. Мол, а это что за дева с каштановыми кудрями и с черной лисой на плечах? Первым пришел в себя отец. Он соскочил с кровати и кинулся пожимать мою руку.

– Спасибо вам, госпожа Калинина. Я ваш должник навеки. Мой магазин «Все для сада и огорода» всегда для вас открыт. Берите что угодно...

– Со скидкой пять процентов, – перебила женщина мужа. Она прижимала дочку к себе и больше не рыдала. Есть среди людей такие, которые, как только беда отступала, так тут же забывали о том, кто эту беду от них отвел. Ведьмы помнили все. И добро, и зло.

– Так, где твоя одноклассница живет и как ее зовут? – еще раз спросила я у девочки.

– Кира Уткина. Она через два дома от нас живет, – тихо ответила Света, с любопытством поглядывая на Пепла.

– Зайду к ней, а то вдруг Кира твою болезнь подхватила. И на будущее: высыпаться надо, для здоровья это важно, – повторила я слова фамильяра и вышла из комнаты. Отец Светы поспешил за мной следом и всю дорогу, пока мы спускались по узкой лестнице до входной двери, говорил мне спасибо. Нет, все-таки и среди людей есть благодарные клиенты.

Я вышла из дома и прищурилась от яркого солнца. Направо убегала улица к центру городка Березники, вдоль нее двумя стройными рядами выстроились аккуратные кирпичные дома с черепичными крышами и резными оградами. Налево улица заканчивалась, как раз через два дома, и начинался пригород с грунтовыми дорогами. Они вились среди холмов и полей. Здесь, на окраине, прохожих оказалось немного. Двое мужчин в рабочей одежде прошли мимо меня, покосившись на Пепла. Да повозка с бидонами выехала на единственную брусчатую дорогу, ведущую к центру.

Легкий весенний ветерок ласково коснулся моего лица, нежно провел по плечам, на которых лежала прозрачная вуаль. Спустился ниже, прошелся волной по подолу синего наряда. Я поправила белую шляпку с пером под цвет платья, затем раскрыла сумочку и разбудила фамильяра. Пепел ворчливо залез внутрь и вскоре засопел, а я направилась к самому крайнему дому, где жила Кира Уткина.

Дверь мне открыла полненькая женщина в черном платье, светлые волосы гладко причесаны и убраны в шишку. Глаза слегка опухли, белки покраснели. Было заметно, что женщина долго плакала.

– Проходите, мы вас так ждали! – воскликнула женщина. – Идемте! Наверх! Мы не знаем, в чем дело. Дочке... Кире вдруг стало... нехорошо. Мы обедали, а она... она. Ах, вы сейчас сами все увидите.

Значит, я оказалась права – отдача сработала. В доме жила простая семья, никакой магии я не ощущала. Очень интересно, откуда тогда взялась сила? Кире подкинули проклятый предмет? Мы, ведьмы, не только чуяли друг друга за версту, но и ощущали чужую магию, а в этом доме... что-то другое. Темное. Холодное. Зловещее.

– Дорогой, доктор пришла, – тихо произнесла женщина супругу, когда мы вошли в детскую комнату. Крупный мужчина сидел на кровати и держал тоненькую ручку девочки. На полу затих двухлетний малыш, с тревогой поглядывая на меня. Деревянная лошадка выпала у него из рук, и он заплакал. Дети всегда плачут, когда видят ведьм. Потому что в отличие от взрослых пока еще умеют чувствовать магию, она и напугала малыша. Ведьмы – темные создания, и не все творят добро.

– Расскажите, что произошло? – спросила я, подойдя ближе. Массивный хозяин дома поднялся, а я взглянула на Киру. Бледная. Черные вены еще не проступили, уже хорошо. Будить Пепла я не стану, справлюсь сама.

– Вы не доктор, – пророкотал господин Уткин. Я невольно подумала, что форма носа у него похожа на клюв птицы. – В Березниках лечит мужчина.

– Все верно. Меня пригласили ваши соседи Соловьевы, у них дочка Света слегла.

– Кира говорила, – подтвердила за моей спиной женщина. Она дала ребенку грудь, и он успокоился. – Мы всего три месяца живем в городке, не со всеми еще познакомились. А вы кто будете?

– Я здесь проездом. Меня зовут Ярослава Калинина, вот моя лицензия, выданная государственной палатой. Мне разрешено заниматься практикой, – спокойно ответила я, смело глядя в маленькие глазки господина Уткина. Я подала ему документ, и хозяин дома долго изучал его. Наконец он произнес:

– Ведьма!

Женщина за спиной ахнула.

– И только я могу вам помочь. У Светы была такая же... хм, болезнь, как у вашей дочки, и сейчас девочке легче.

Мужчина угрожающе зарычал, сжал кулаки и качнулся в мою сторону.

– Как вы узнали, что Кира заболела?

– Девочки же общались, что здесь странного, – невозмутимо ответила я.

– Госпожа Калинина права, Кира в школе сидит за одной партой со Светой и на танцах вместе занимались, пока Свете в пару мальчика не нашли. Кира тогда очень расстроилась, – подтвердила мать девочки.

– Просто я тоже хотела танцевать с Андреем, – услышала я тихий голос Киры, и мы все посмотрели на нее. Белки ее глаз еще не заполнила чернота, но отдача от проклятья начала проявляться в виде температуры и слабости.

– Так бывает, что не всегда все происходит по нашему желанию, но можно взглянуть на это с другой стороны. А вдруг вы с Андреем не поладили бы или он оказался скучным? Возможно, тогда даже хорошо, что он танцует со Светой, – улыбнулась я девочке, потом взглянула на родителей. – Я бы хотела помочь, но только если вы разрешите. Правда, вам надо будет выйти.

– Нет! – тут же рявкнул отец.

– Идем, – тихо сказала женщина и подтолкнула мужа к двери. Я услышала, как она шептала ему: – Ведьма может помочь. Меня тоже однажды вылечила только ведьма. Мы никуда не уйдем, будем в замочную скважину подглядывать.

– Скажи, Кира, происходило ли с тобой что-нибудь странное? Совсем недавно: перед поездкой в Березники или после? – спросила я девочку и обхватила ее голову руками, заглядывая в карие глаза ребенка. На кончиках моих пальцев заискрилась магия, и я медленно, потому что отдача проклятья сопротивлялась, начала вытягивать черноту из Киры. Капля за каплей, нить за нитью. Проклятье рассыпалось в воздухе, и девочке на глазах становилось все лучше и лучше.

– А вы никому не расскажете? – прошептала Кира.

– Нет, – также шепотом произнесла я.

– Здесь, в этом доме... я спустилась в подвал и нашла куклу... старую, а в кармане у нее лежало письмо. Запечатанное. Вот когда я его открыла, то стала... злой, – со слезами на глазах тихо сказала девочка. Я даже не сомневалась, что кто-то или что-то повлияло на ребенка. Дети – это самые чистые души. Это потом, взрослея, они узнают силу монет и власти. Любовь уходит на второй план, становится неважной. Нам, ведьмам, проще, у нас есть магия.

– Где это письмо? – поинтересовалась я.

– За шкафом, – доверительно сказала Кира. – Я боюсь его и спрятала... туда.

– Поняла.

– Вы можете его забрать? Оно очень страшное. Очень, – попросила девочка.

– Конечно, – последние крохи отдачи проклятья вышли из Киры. Я сжала пальцы в замок, чувствуя, как сгорает чужая магия, и поднялась. Девочка села, испуганно прижав руки к груди. Теперь, когда ребенок был очищен, я четко почувствовала за шкафом клубок тьмы проклятья. Моя магия быстро нашла конверт и кинула его мне. Едва я поймала, как тут же в спальню девочки вбежали родители и за ними доктор, Василий Земцов. Он почему-то всегда подкручивал светлые усы, когда мы встречались.

– Здравствуйте, госпожа Калинина, – поздоровался Василий. – Не ожидал вас здесь встретить.

– Да я так, проездом. Вы извините меня, очень тороплюсь, – конверт жег карман и жуть как хотелось его получше разглядеть. – Осмотрите Киру, пожалуйста... на всякий случай. До свидания!

Я вылетела из комнаты, а вслед мне неслись благодарности родителей и слова прощания. Едва я оказалась на улице, то сразу свернула в сторону холмов. Летела как угорелая. И лишь когда Березники оказались далеко за спиной, рухнула в траву и достала конверт. Обычный. Белый. Только ощущался холод чужой магии. Темной. Опасной. Восковая печать с изображением герба с медведем была сломана, а конверт оказался... пуст. То, что там спрятали, уже вышло, когда Кира открыла конверт.

Неожиданно меня словно бабушка Таисия палкой огрела по голове. Я уже видела такой герб. Перед глазами замелькали воспоминания: вот мы с Пеплом год назад снимаем проклятье у мельника, а на столе лежит конверт... Девять месяцев назад нас вызвала женщина, ее мать проклинали. Конверт тоже был... в камине. Я еще удивилась, что не сгорел. Пять месяцев назад – девушка. Ее сильно проклинала соперница, чуть в могилу не свела, а жениха приворожила. Ведьма хорошо заказ отработала. И конверт валялся в углу... весь в пыли. Три месяца назад торговец... конверт на подоконнике, а рядом завядший цветок. Почему же сегодня он находился в другом месте? Не у проклятого?... Я посмотрела на конверт, который бросила в траву. И вдруг бумага вспыхнула магическим огнем. Мгновение – и передо мной лежала горсточка пепла.

– Что за вонь? – зевая, спросил фамильяр. Он выбрался из сумки и сладко потягивался. Я все ему рассказала, и теперь Пепел осторожно принимался к горсточке.

– Почему я раньше не чувствовала в нем зло? Почему только у Киры в комнате поняла, что это такое? – думала я вслух.

– Не знаю, – фамильяр ходил вокруг сожженного конверта. – Надо к старой ведьме лететь. Если не Таисия, то Умник точно что-то может рассказать. Я бы еще предложил это... – Пепел кивнул в сторону горсточки. – С собой взять, так... на всякий случай.

Я была с фамильяром согласна. Собрала горсточку в платочек и убрала в карман. Затем вытянула руку со словами:

– Приди, метла. Отнеси меня к бабушке Таисии.

Тут же на пальцах вспыхнуло серебро, и я ощутила шероховатую поверхность дерева. Метлу я любовно звала Марго. Старшие сестры называли свои Нюркой и Глашкой, а я выпенд-

рилась. Силы-то не было, вот я и хотела хоть именем метлы выделиться, но только еще больше ведьм в ковене рассмешила. Обидно было, а потом... все привыкли.

Пепел любил кататься на метле. Он раньше меня уже уселся на хвост Марго, вцепившись когтями в черенок.

– Поехали! – крикнула я, мысленно представляя домик бабушки. Метла взмыла вверх, и я рассмеялась. Полет всегда отгонял прочь все думы, оставляя лишь восторг от ощущения свободы и уверенность, что я все смогу.

Глава 2

Бабушка Таисия жила на окраине большого поселка Тополинки в добротном двухэтажном доме с красной черепичной крышей. Оконные ставни были украшены деревянными кружевами, широкое крыльцо с резными узорами радовало глаз, такая же резьба шла по верху забора.

Все жители навещались к Таисии: кто по сердечным делам, кто мужа отвести от соседки, кто, наоборот, приворожить или судьбу свою узнать, а кто и здоровье подправить. Оплату старая ведьма никогда не озвучивала, кто что может дать, то и нес. Многие платили яйцами, курами, медом, даже как-то драгоценности принесли. Бабушка все брала. Монеты и украшения прятала в большой железный сундук, который закрывала на ключ.

Когда Марго опустила возле ворот, раздалось приветственное карканье Умника:

– Поторопитесь, Таисия вас заждалась.

Фамильяр сидел наверху и важно махал крыльями. Пепел прыгнул на землю, потянулся и тут же получил нагоняй от ворона.

– Я попросил поспешить! – Умник плавно планировал вниз и чуть не клюнул Пепла в голову, но мой черный лис успел отскочить. – А он тут потягивается. Ни капли уважения к возрасту.

– Не ворчи, – строго сказала я. Марго исчезла, и я открыла калитку, тут же учуяв аромат бабушкиных пирожков. В животе заурчало: самое время подкрепиться после победы над проклятием. Во дворе меня встретил огромный черный пес Черныш, похожий на волка. Он носом ласково тыкался мне в живот, радостно крутился у ног. А после замер и принялся старательно нюхать карман, где лежал в платочке пепел от проклятого конверта.

– погоди! А что это воняет? – ворон уселся мне на плечо. Прогнать я его не посмела. – Ты принесла чужую магию? Зачем?

– Пришла у бабушки узнать про нее. Слишком много вопросов появилось, Умник. За советом я здесь, – вежливо ответила я: с фамильяром ругаться будет себе дороже. Поэтому спросила с улыбкой: – В дом могу войти?

– Разве я не пускаю? – хмыкнул ворон и полетел в раскрытое окно, Пепел бросился за ним. Когда я подошла к крыльцу, дверь отворилась и на пороге появилась бабушка. Мы обнялись и Таисия тут же сморщилась.

– Принесла чужое. Дай-ка сюда, – бабуля вытянула руку, и я положила на ее ладонь платок с пеплом. – Сильная магия, даже через крупинки ощущается. Не надо ее мне в дом. Ты проходи, а я пойду, закопаю поглубже.

– Я же про эту магию спросить пришла. Странное что-то творится, бабуль.

– А я думала, меня навестить. Старшая внучка, как закончила академию, так сразу подавалась в ряды боевых ведьм и на границу уехала. Службу теперь несет. И средняя вся в заботах, ездит по странам с министрами. Переводчиком заделалась. А про бабушку свою никто и не вспоминает, – проворчала Таисия. – Я их все жду, пирогов пеку, а они... Эх!

Старая ведьма махнула рукой и стала спускаться с крыльца.

– Бабуль, я же не только по делу, а чтобы еще увидаться, – попыталась оправдаться я.

– Так, иди в дом, сейчас вернусь, – велела Таисия и пошла в сторону огорода.

Я подумала, что надо будет Рите и Вале сказать, чтобы приехали... хоть на пару денечков. Бабуле важно внимание. Старшие сестры у меня молодцы, это я училась плохо. Мне диплом от академии нужен был для галочки, чтобы я смогла без вопросов получить лицензию на открытие фирмы, которую назвала «Едим проклятья».

Никодим Федорович, местный изготовитель вывесок, весело хмыкнул, когда я протянула ему листок с названием, но за работу взялся, и первое, что у меня появилось – это чудесная вывеска. Я сняла комнатку недалеко от рынка и стала ждать клиентов. Только никто не спешил к вчерашней студентке и то, что ведьма я была добрая и ответственная, тоже никого не волновало. Пепел бродил по своим делам, вскоре мне наскучило сидеть одной, и я съехала из комнаты. Вывеску закинула на шкаф и стала помогать бабуле с зельями.

– Вот раньше, Яся, твой фамильяр бы пригодился, столько проклятий было. Все друг на друга только и насылали, а сейчас... вежливые все стали. Не злится никто. Стараются по доброму договориться. Ну ничего, вот шабаш у нас будет, и поспрашиваю я у подружек.

Не знаю, у кого там Таисия спросила, но клиенты пошли толпой. После шабаша, на который меня не позвали, сказали, еще мелкая и слабая.

– Как сил побольше станет, возьму с собой, – пообещала Таисия. – А так... не справишься, а мне отвечай.

С чем не справлюсь, никто объяснять не стал. Но это неважно. Главное, что комнату снова сняла, вывеску от пыли протерла и довольная встречала клиентов. Оказалось, были проклятья. Я даже представить себе не могла, сколько. Мы с Пеплом уже за мелкие не брались, те, которые зельем лечились.

Золото полилось рекой. Я купила двухэтажный домик на окраине городка Малиновка, чтобы быть поближе к лесу, мы с Пеплом любили там гулять. И теперь я принимала клиентов на первом этаже в кабинете. Семья мной гордилась, бабушка Таисия так вообще вся светила каждый раз, когда мы с ней встречались, только вот ворон все время цокал:

– Ох, чую. Неспроста все это, неспроста.

– Замолчи, Умник! А то накликаешь беду, – сердилась на него Таисия. Мой же фамильяр лишь хитро усмехался. А тут вот... конверт. Или даже конверты. Не заметила бы их, если бы не последний вызов. Странно все было, очень странно.

Бабушка вернулась, и мы сели травяной чай пить с мелиссой и пирожками. Я любила с яйцом и зеленым луком, Таисия с капустой. Душистые, мягкие пирожки будто сами ложились в рот. Наевшись, бабушка достала банку с медом, налила ароматного золота в пиалу и тут же огрела Пепла ложкой по лапе.

– Куда, негодник! Мед не для фамильяров.

Пепел же, довольный, облизывал лапу, почти урча, как кот. Умник дремал на подлокотнике кресла, стоящего возле камина, иногда приоткрывая то левый глаз, то правый.

Пока мы кушали пирожки, я рассказала старой ведьме про конверты и как вспомнила про них, когда мы с Пеплом спасали других людей от проклятья.

– И почему я почувствовала чужую магию только в комнате девочки Киры?

– Это я тебе объясню, – сказала бабушка. – У проклятого человека магия ощущается сильнее, особенно когда проклятье обретает мощь. Конверт тоже нес чужую магию, но она отлично пряталась за более сильной. В теле Киры проклятье было еще настолько слабое, что ты почувствовала магию в конверте.

– Хорошо, здесь разобрались. Но зачем это все? Складывается такое впечатление, как будто конверт хотел, чтобы я обратила на него внимание. И все сделал для этого, – я смотрела с надеждой в темные глаза Таисии.

– Я тоже так подумала, а вот для чего? Уверена, скоро узнаем, – бабушка подула на блюдечко с чаем и сделала глоток. – Раньше времени не стоит и переживать. Пей чаек, сил набирайся. Придет час, и ты станешь могучей ведьмой, такой же как сестры. Не может быть,

чтобы у потомка великой ведьмы была слабая магия. Что-то держит ее внутри, не пускает в наш мир. Наберись терпения.

Где же его взять-то? И сколько можно ждать? Когда мне исполнилось восемнадцать, бабушка рассказала, что случилось, когда я родилась.

– За одну ночь снег накрыл землю. Такая метель началась... и выла она до утра. Ты лежала на кровати и еле дышала. Маленькая, синенькая. Дашка плакала, пыталась тебе и грудь дать, и бутылочку. А ты не шевелилась, только смотрела в потолок и дышала... часто так. Что мы с твоей матерью только не делали! Все колдовство перепробовали, но все зря. Моя мать, твоя прабабка Ярослава, явилась через два дня. Как в тебе еще душа держалась, не знаю, но, наверно, ты ждала... ее, свою прабабку. Она тогда сказала: «Сила в девочке запечатана, а для ведьмы это равносильно смерти. Помочь ей надо». Прабабка укутала тебя в шаль и к себе унесла, велела через неделю к ней явиться. Как мы с Дашей изнывали! Все из рук валилось, только старшие девочки и спасли твою мать, да отец. Дом тогда на нем держался, пока Дашка в лес бегала и колдовала.

Ровно через неделю мы явились к дому прабабки. Она в самой чаще жила. Тихо кругом. Ни души. И черный туман по снегу стелится, дом окружает плотной стеной. Страшно нам было с Дашей, но разве мать можно остановить? Она ради ребенка и в огонь прыгнет. Так и Дашка. Бросилась в дом, и я за ней. И увидели вас троих на кровати. Яся, ты у нее под боком и фамильяр прабабки, черная кошка, в твоих ногах. Ты посвежевшая, румяная, вес уже набрала. Мать твоя на колени упала и прабабку благодарить начала. А вот Ярослава, наоборот, похудела, кожа серой стала, губы потрескались. Тогда я и поняла, что ведьма свою силу тебе отдала. Нагнулась к ней, чтобы ее шепот услышать: «Жить... будет. Потом... сильной... станет. Фамильяра ей... надо... для поддержания. Все сделай, Таисия, умри, но фамильяра достань девочке. Моим именем... назовите». И... умерла.

Бабуле за Пепла я была благодарна. Понимала, что если бы не упрямство Таисии и ее сила, никогда не случилась бы привязка с духом. Сильный фамильяр – это хорошо. Да вот только и самой мне хотелось ощутить внутри магию, а не искры на пальцах. Такой силой я могла бытовые проблемы решать, слабые проклятья убирать, а что посерьезней... уже нет. Даже зелья выходили не такими, как у сестер. Слабыми. Я злилась, а бабушка успокаивала.

– Радуйся тому, что есть. У некоторых ведьм и фамильяра нет, а ты свой путь видишь и идешь по нему.

Когда я объясняла, что не вижу никакого пути, Таисия от меня отмахивалась.

– Это все временно. Опыта набирайся, пока есть возможность.

И вот сейчас, именно в это мгновение, когда бабушка дула на горячий чай в блюде, а я застыла с пирогом в руках... Я вдруг осознала... скоро мой путь мне откроется. Осталось немного. Внутри рождалось волнение перед неизвестностью. Когда тебе очень хочется шагнуть за закрытую дверь, увидеть интересный мир, и в то же время страшно. Ты ведь не знаешь, что тебя там ждет.

У Таисии я пробыла три дня. Варили новые зелья, в лес ходили за травой, потом ее сушили, подвешивая на веревку в сарае. Все это время к теме конверта мы не возвращались. Фамильяр играл с Чернышом, доставал кошку и спорил с Умником. Перед нашим отъездом Пепел спер банку меда, а потом прятался от Таисии на яблоне. Все эти житейские дела отвлекали, но когда я вернулась в Малиновку, то беспокойство сдавило грудь с новой силой.

Фамильяр первым почувствовал чужую магию. Зашипел. Шерсть встала дыбом на холке и только потом мне в нос ударил приторно-сладкий аромат, а кожа покрылась мурашками от холода. Я увидела белоснежный конверт, прицепленный к воротам собственного дома. Как же он нашел меня?

Мы с Пеплом не решались дотронуться до конверта. Фамильяр все принюхивался, а я пыталась определиться – справлюсь или нет.

– Может, к Таисии вернемся? Пусть она посмотрит первая, – предложил Пепел.

– Нет! Хватит бегать за помощью. Мои сестры давно уже не обращаются ни к матери, ни к бабуле. Одна я все бегаю: «Помогите да помогите».

Я вдруг разозлилась. Осточертело быть слабой. Если внутри проклятье, то Пепел его сожрет, если нет... Посмотрим, что делать. В конце концов я ведьма или кто!? Сколько можно прятаться за бабушкину юбку?

– Если бы меня хотели проклясть, то давно бы это устроили. Нет, Пепел, здесь что-то другое. Пора выяснить! – И я взяла конверт. Пальцы терпимо защипало от чужой магии. Пепел настороженно наблюдал за мной. – Идем в дом. Нечего на пороге стоять.

Мой двухэтажный дом с зеленой черепичной крышей был поменьше, чем у Таисии, но для меня одной —самое то. На первом этаже кухня и кабинет, где я принимала клиентов. На втором – спальня и ванная комната. Из живности я держала только кошку Мурку, которая гуляла сама по себе и появлялась дома, чтобы покушать да спрятаться от непогоды. Но работу свою выполняла она отлично – мышей в округе всех переловила.

За домом стояли сарай и банька. Огородик небольшой, только грядки с зеленью, куст черной смородины, яблонька и вишня. Вот и все. Никаких соседей вокруг. Красота. С одной стороны – опушка леса, с другой – Малиновка, до первых домов – два километра.

Я приложила ладонь к магическому замку, он щелкнул и открылся, впуская хозяйку. Пепел пронесся мимо меня, напугав Мурку, которая до нашего прихода дремала в коридоре. Я бросила сумку и направилась в кабинет, фамильяр уже хлопотал в камине. Самое лучшее средство от чужой магии – это огонь, а пепел я закопаю в самой глуши, где никто не найдет.

Усевшись в кресло, я стала рассматривать печать на воске. На ней в полный рост стоял медведь, подняв лапу и раскрыв пасть, словно собирался нападать. Над медведем, слева – солнце, справа – луна. Я взглянула на Пепла. Он сидел и внимательно следил за конвертом. В камине разгорался огонь и затрещали дрова.

– Не переживай, я успею тебя защитить, – тихо сказал фамильяр. И я вскрыла конверт, сломав печать. Чужая магия словно вырвалась на свободу, метнулась к потолку, сделала круг и вернулась к письму. Я достала листок и чуть не выронила его. Такие слова... важные, словно обращались не к молодой ведьме, а к княгине.

«Здравствуйте, уважаемая Ярослава Никитична!»

Пишет вам секретарь Павел Петрович Корский от имени князя Владимира Ростиславовича Белоярского. Дошли до нас слухи, что вы, уважаемая Ярослава Никитична, владеете могучей силой и снимаете любые проклятья. Князь Владимир Ростиславович приглашает вас в свою усадьбу. Я вас буду ждать в городке Дубрава на улице Заречной, номер дома пятьдесят. В любое время суток (но лучше до обеда), чтобы проводить к князю Белоярскому.

Ваши услуги будут достойно оплачены. Князь Владимир Ростиславович питает надежды, что вы согласитесь и мы с вами скоро увидимся.

Секретарь Корский П.П.»

– Надо же, работу предлагают, – задумчиво пробормотала я. – Где бы информацию взять об этом князе?

– В столичном архиве, где же еще, – ответил Пепел и замолк, уставившись на меня.

– Достань все документы, почитаю перед поездкой, – заявила я, сама поражаясь своей смелости.

– Может, лучше к Таисии... – снова начал Пепел, но, заметив мой хмурый взгляд, спросил, вытаращив глаза: – Ты хочешь, чтобы я украл государственные документы?

– Почему же сразу украл? Взял на время. Ой... – вскрикнула я, когда листок в моих руках вспыхнул и моментально сгорел. Конверт я швырнула в камин, пока он не самоуничтожился. Фамильяр собрал пепел от письма и тоже бросил в огонь.

Пока я занималась уборкой в доме, полола две грядки, да готовила в духовке на ужин курицу с картошкой, Пепел таскал в кабинет толстенные журналы и фолианты. Когда увидела грудку книг, даже икнула от мысли, сколько всего придется читать. Без магии тут точно не обойтись... Я пошла готовить зелье «Бодрости» из кофейных зерен, корня женьшеня и цикория. Просто взрывная смесь. Зелье бурлило, приобретая шоколадный оттенок, а аромат кофе расплзался по всему дому. Я любила сладкий кофе с молоком, особенно утром. Выйдешь на крылечко, когда первые лучи только касаются земли, а ветер приносит запах трав, леса и соловей начинает свою песню «Приветствие солнцу». И так хорошо становится на душе, забываешь, что ты слабая ведьма.

– Я такое нашел про этого князя Белоярского. Его давно никто не видел, и какие только слухи о нем не ходят. Есть очень зловещие, что князь попал в объятия тьмы и не может выбраться. Спасти его способна только смелая девица, которая не испугается страшного вида князя, – последние слова Пепел произнес зловещим шепотом. Нагнать страху на меня решил? Хочет, чтобы я к Таисии обратилась? Нет. Пора близким и в первую очередь себе доказать, что я кое-что могу. Да и как моей силе проснуться, если все время прячусь, то за бабушку, то за фамильяра. Как говорит Таисия:

– Ноют только слабаки, сильные сжимают зубы и прут вперед.

Вот и пришло время перететь... или идти. Неважно. Я глотнула бодрящего напитка, ощущая, как энергия побежала по венам, даже плясать захотелось. Но я присела в кресло за письменный стол и приступила к чтению книг, которые натаскал Пепел. Фамильяр же, наевшись меда, вместе с Муркой улегся возле камина, подставив шерстяной живот огню, и задремал.

Сначала я открыла книгу в переплете из малинового бархата. Пепел даже сподобился положить закладку в виде листка бумаги на нужной странице. Я открыла ее и начала читать происхождение княжьего рода:

Правнук великого князя Владимира, князь Александр посадил своего сына князя Бориса на княжение в г. Р... Его сын, князь Константин имел сыновей князей Василия и первого белоярского князя Глеба, женатого на дочери хана Таура, которого посадили на удел на Белояр. Князь Глеб славился умом, и при нем княжеский белоярский род не только приумножился, но и возвысился.

После Темного Времени и Великой Битвы в живых остался лишь один удельный князь Михаил. Он женился на богатой наследнице Анне— дочери статс-секретаря. Род Белоярских снова возвысился.

Старший внук князя Михаила, Александр, славился разгульной жизнью, что привело к разорению княжеского рода после смерти князя Михаила... Ныне род Белоярских проживает в усадьбе Стародуб, территория которой обнесена высоким забором, и находится на расстоянии пятидесяти верст от городка Дубрава.

В остальных книгах были примерно такие же записи, где-то даже с дополнением, что Анна, супруга князя Михаила построила семейный склеп в усадьбе Стародуб или что все чиновники, кто побывал в усадьбе князя Белоярского, сразу уволились без объяснения причин.

В других фолиантах содержались легенды и предания. Спасибо Пеплу, он и здесь положил закладок, чтобы я не теряла зря времени на поиски. Я погрузилась в чтение, но особенно мне запомнилась одна легенда:

Давно это было. Десять веков назад, а может, больше. Родилось у князя Михаила три сына. Красивые, сильные парни. Отец гордился детьми, и невест им под стать искал. Да вот только пришла беда. Наступило Темное Время, когда всякая нечисть полезла на Русь. Собрал светлый князь Николай огромное войско, и началась Великая Битва.

Попрятались птицы, звери укрылись в норах. Землю сотрясали богатырские удары. Отбивались воины от нечисти, гнали ее прочь. Сначала погиб старший сын. Закрыл собой друзей, что бились с ним рядом. Потом средний пал смертью храбрых. Взыла матушка и

умерла от горя. Стал князь Михаил думать, как спасти младшего сына Владимира и отправился к ведьме.

Старуха хитрая была, решила на родительском горе нажиться. Запросила непомерную цену в тридцать мешков золота. Князь Михаил продал все, доставил ведьме золото, лишь бы младшего спасти. Старуха опоила сонным зельем отца и убила.

Темное время и Великая Битва закончились победой. Вернулся младший сын домой, а в живых из семьи никого нет. Дом чужим людям принадлежит. Сердобольная соседка рассказала Владимиру, как отец все продал и отправился к ведьме, чтобы она колдовством уберегла младшего сына от смерти. Только сам Михаил не вернулся, люди поговаривали – ведьма убила. Разозлился младший сын, решил найти старуху и отомстить.

А ведьма тем временем на золото себе терем построила, слуг и дружинку наняла, мором укрылась. Все видели перед собой девицу-красу. Один боярин влюбился и посватался. Владимир в терем пришел, когда свадьба полным ходом шла. Старуху он сразу увидел, научился за Темное время отличать зло от добрых людей.

Накинулся младший сын на ведьму, да вступился за нее боярин и дружина. Старуха ускользнула на самый верхний этаж терема. Бился Владимир день и ночь. Положил всех вокруг, но к старухе пробрался. Замахнулся на нее мечом, и в этот момент ведьма прокляла Владимира. Полетела голова старухи в угол, а над ее телом остался стоять медведь. Законала проклятая ведьма душу Владимира в тело хищника и спасти его может лишь красная девица. Как только отдаст она сердце медведю, так вернется человеческий облик Владимиру. А до этого времени будет медведь скитаться по терему и пугать людей рыком своим.

– Прочитала? – спросил Пепел и хитро так усмехнулся.

– Неожиданная история получается у князя этого... Белоярского. Никто не видел его, на территорию усадьбы люди боятся ходить. Все указания через секретаря передаются. Любопытство просто распирает, – я постукивала пальцами по столу. Согласиться или не согласиться? Останусь – дальше фамильяр будет проклятья снимать, а я так помощницей и буду. Поеду – могу княжеский род спасти, и силу приобрести. Не зря же эти конверты меня разыскивали. Вот он – мой путь. Я вдруг так ясно это осознала.

– Пепел, уноси все, пока государственные чины не спохватились, – попросила я фамильяра, указав на книги. – Я завтра зелий побольше приготовлю, да сумку соберу. Послезавтра к вечеру выезжаем.

Фамильяр слушал меня, склонив голову на бок.

– Секретарь написал: перед обедом, – напомнил мне Пепел.

– А мы не пойдем у него на поводу. После прикатим, чтобы в Дубраве переночевать, может быть, получится еще что-нибудь новенькое про князя узнать, – усмехнулась я.

– Хитра-а-а, – уважительно пропел Пепел. Собрал все книги и исчез. А я села составлять список зелий и вещей, которые мне пригодятся.

Глава 3

В Дубраве я никогда не была, но для Марго это оказалась не проблема. Она даже мое желание исполнила, высадила нас с Пеплом за городком и исчезла. Я поправила специальный широкий пояс с маленькими карманами, куда рассовала бутылочки с зельями. Отряхнула длинную бордовую юбку, поправила верхнюю пуговичку на желтой блузке. Дотронулась до бледно-желтой шляпки, опустив ее чуть пониже, спрятав глаза от солнца. Сумку с вещами отдала фамильяру и на его недовольный взгляд ответила:

– Она не тяжелая, донесешь.

Направилась по проселочной дороге, стуча алыми туфельками на маленьком каблучке.

Впереди маячили одноэтажные серые домики с синими крышами. Из записей я узнала, что в городке две центральные улицы: Заречная и Пихтовая. Заблудиться не должна.

С интересом я разглядывала ухоженные клумбы возле домов, выложенные камнем дорожки. Казалось, что каждый житель Дубравы хотел переплюнуть соседа по мастерству украшения места за оградой. Кто-то в клумбе поставил глиняных зайчиков, кто-то искусственное озерцо сделал. Были и такие умельцы: ставили чучело в рост пятилетнего ребенка и наряжали его как девицу. Днем красиво смотрится, а вот ночью... С непривычки можно и напугаться.

Вечерний ветерок приятно охлаждал, и я неторопливо шла, а Пепел семенил сзади. Меня не страшило опасное приключение, наоборот, хотелось узнать про князя как можно больше, и наконец с ним познакомиться.

Широкая дорога оказалась улицей Заречной, которую пересекали узкие тропинки других улочек. Люди не встречались. Возможно, дело было в том, что мы отправились в Дубраву после ужина и многие в это время занимались хозяйством. Но чем ближе я подходила к центру, тем больше появлялось народу. Навстречу нам шла парочка влюбленных, их я и остановила, чтобы уточнить про дом секретаря Корского.

– Это вам до рынка идти и еще три дома, – сказал широкоплечий парень с приятной улыбкой. – А вам для чего Павел Петрович? Он вряд ли уже принимает.

– Я приехала по приглашению князя Белоярского. Знаете такого? – Как бы невзначай спросила я.

Парень нахмурил брови и дернул к себе девушку, она засмотрелась на Пепла и медленно протягивала руку, чтобы его погладить. Фамильяр щелкнул зубами, и девица вскрикнула, еле успев отдернуть пальцы.

– Идем, – заторопился парень, а мне быстро сказал. – Уезжали бы вы, пока не поздно.

– Почему? – крикнула я вслед паре, но они быстро скрылись за поворотом.

– Очень интересно, но ничего не понятно, – фыркнул Пепел.

– Если все так боятся князя, то мы точно приехали в нужное место, чтобы помочь, – сказала я и ускорила шаг. Мне уже не терпелось встретиться с секретарем и все у него расспросить. Что же это за проклятье такое, от которого чиновники увольняются, а местные советуют держаться подальше?

– Я рад, что ты так уверена во мне, – самодовольно усмехнулся Пепел, виляя пушистым черным хвостом. – Каким бы ни было проклятье у князя, я его быстро сожру и даже не подавлюсь.

Надо отметить, что народ в городке оказался приятным и вежливым. По фамильяру во мне сразу признавали ведьму, и люди останавливались, чтобы поздороваться, а также спросить, к кому я держу путь. Теперь я решила помалкивать, что приехала по приглашению князя Белоярского и просто отвечала:

– К Павлу Петровичу Корскому.

После этих слов мужчины осматривали меня внимательнее и усмехались, а женщины бросали сочувственные взгляды и быстро отворачивались. Странно все, очень странно.

Вскоре мы вышли на площадь, посередине которой бил фонтан в виде медведя с раскрытой пастью и огромной рыбой в лапах. Также здесь располагались кафе, театр на одной

стороне, а на другой – здание суда. Мы прошли дальше, мимо пустых прилавков рынка. Дома в центре городка были в основном двухэтажные с черепичной крышей и резными воротами. Клумбы с различными чучелами и здесь имелись. Возле дома номер пятнадцать алел пышный куст пиона, тут же разложил свои листья папоротник, а желтые бархатцы как огниво рассыпались по краю дорожки, ведущей к дому. Чучело в виде совы выглядывало из-за алых цветов.

Калитку открыть я не смогла, она была запечатана магией. Мы с Пеплом переглянулись. Хм, секретарь-то, оказывается, не так прост. Но с другой стороны, помощник проклятого князя должен быть магом.

– А если Павел Петрович так и не появится, что будем делать? – поинтересовался Пепел, небрежно бросив мою сумку на землю.

– Попросимся на ночлег к соседям или узнаем, где в Дубраве гостиница. Вот и все, – пожала я плечами и направилась к дому, вдоль ограды которого цвели белоснежные кусты роз и дежурило чучело в виде черного кота.

Только я коснулась калитки, как выскочила огромная белая собака. Животных я не боялась: стоило лишь посмотреть в глаза псу, как он замолк и скрылся за углом дома. Оттуда через несколько секунд появилась пожилая пышнотелая женщина в белоснежной блузке и длинной черной юбке. Седые волосы незнакомка заплела в толстые косы и закрутила их на голове наподобие короны.

– Добрый вечер! – поздоровалась я и тут же спросила. – Вы не подскажите, ваш сосед Корский во сколько домой возвращается?

– Я за ним не слежу, милочка, – недовольно проворчала женщина. Белая собака шла за хозяйкой и осторожно выглядывала из-за ее спины. – Это вы мне Беляшику напугали? – продолжала хмуриться незнакомка, поглаживая пса по голове. Но тут же она удивленно уставилась на Пепла, который неожиданно появился на моем плече и плавно улегся, наблюдая за происходящим и готовый броситься на защиту хозяйки.

– Так вы... ведьма? Понятно. Значит, этот негодник и ведьме умудрился запудрить мозги, – вдруг выдала женщина.

– Вы ошибаетесь, я по делу приехала, – возразила я, не совсем понимая, о чем идет речь. Корского я не видела ни разу.

– У Павла Петровича к дамам одно дело, – улыбнулась женщина. – Он же у нас красавец под два метра ростом, широк в плечах, да еще значится секретарем у князя Белоярского, ясно, и жалование хорошее. Жених он видный, да вот только дурачит местных дев и приезжих. Ну, может, вам как ведьме удастся его в свои сети поймать. Я бы посмотрела, как он будет выпутываться, – хмыкнула соседка Корского.

Пепел тоже фыркнул, но в отличие от незнакомки – негодуя. Меня все начало жутко раздражать. Да плевать я хотела на красавца секретаря. Я сюда работать приехала, свою магию распечатывать, в конце концов.

– Значит, когда Павел Петрович будет дома, вам неизвестно, – подытожила я. – Подскажите, есть в Дубраве гостиница? И как до нее добраться?

– Есть, только она старенькая, и водопровод там не отремонтированный. А вы надолго к нам? В Дубраву? – слегка нахмутив брови, спросила женщина.

– Пока не знаю, – пожала я плечами, взглянув на свою сумку, которая сиротливо лежала у калитки секретаря.

– Так... У меня муж уехал на неделю к матери помочь ей по дому, там крыша в сарае обвалилась. Дети у меня взрослые, разъехались кто куда. Дом большой. Могу вам комнату на втором этаже сдать. Немного возьму, если будете у меня обедать, доплатить еще придется. Ну, как? – спросила женщина и тут же представилась: – Степанида Григорьевна Тополева.

– Ярослава Калинина, а это Пепел. Меня все устраивает, и я на все согласна, – улынулась я, довольная, как все повернулось. Если еще вид из окна будет во двор Корского, то вообще прекрасно.

Мое желание сбылось, и Степанида Григорьевна проводила меня на второй этаж в небольшую, но уютную комнату. Внутри все оказалось оформлено в теплых оттенках желтого и оранжевого, тюль на окне и покрывало на кровати были разбавлены белым. В комнате все было такое девичье: мягкие игрушки на полке, обои с ромашками, трюмо с пухом.

– Здесь раньше дочка жила, – рассказывала Степанида Григорьевна. – Потом уехала учиться, вышла замуж и осталась в столице. По большим праздникам приезжает в гости с внуками. Вы наверно, кушать хотите с дороги?

Мы с Пеплом переглянулись и одновременно кивнули. Я подошла к закрытому светло-оранжевой шторой окну и посмотрела вниз. Прекрасно. Двор дома Павла Петровича был на виду. С интересом я разглядывала баньку, гараж и добротный дом. Большой. Зачем одинокому мужчине такой огромный дом, непонятно. Я сразу подумала, как он в нем убирается? Это магии столько не напасешься. Огород секретарь не сажал, как и цветы. Росла только трава, которую подстригали.

– Тогда сегодня вы моя гостя. Оплату внесете завтра, – предложила хозяйка дома. – А сейчас идемте пить чай с ватрушками. Недавно из печи достала, как знала, что гости приедут.

Я спорить не стала. Ватрушки я любила.

– А мед у вас есть? – вежливо спросил Пепел и облизнулся.

– Еще бы. Собственный. Муж на пасеке качал, она у нас за городом, – ответила Степанида Григорьевна и плавно выплыла из комнаты.

– Только попробуй утащить хоть банку, – я показала кулак фамильяру. Он же фыркнул, гордо задрал нос и прошел мимо меня, дерзко задев хвостом. Придется за ним смотреть, а то стащит банку меда, а мне потом перед хозяйкой краснеть.

Ужин прошел в веселой и легкой обстановке, которую совсем не хотелось портить вопросами о загадочном князе Белоярском. Будет еще время расспросить. Сейчас лучше не вызывать подозрений, а то вдруг передумает и выставит на улицу. Нет, выход бы я нашла, но зачем заведомо портить отношения? Лучше я присмотрюсь и улучу нужный момент. Степанида Григорьевна на вид хоть и строгая женщина, но вроде добрая.

После ужина мы с хозяйкой обменялись пожеланиями «Спокойной ночи» и разошлись по комнатам.

– Яся, мне здесь нравится, – прошептал фамильяр, растянувшийся на моей подушке. От Пепла пахло медом, и он сыто улыбался. Степанида Григорьевна отдала гостю литровую банку золотистой сладости. На мои возражения махнула рукой. Добрая женщина, я сразу это определила.

– Еще бы, ты столько меда даже у бабушки Таисии не ел. Только не вздумай воровать, – снова пригрозила я. Пепел меня уже не слышал, посапывая. Вдохнув, я прижалась к фамильяру.

Я его любила. Очень. Даже когда злилась на Пепла, все равно любила. Мы с ним пять лет вместе и в стольких передрыгах побывали, столько всяких проклятий проглотили. Вернее, глотал Пепел, а я... помогала. Вспомнила, что надо было послать весточку бабушке и родителям. Завтра сделаю это.

Подняла руку, призывая магию. Она слабо заискрила на кончиках пальцев. Как же я мечтала ощутить силу и стать могущественной ведьмой. Одним взглядом уничтожать проклятья, убирать морок. За такими мечтами я незаметно и уснула, сказались сборы и долгий полет.

Во сне я бегала по поляне, ловила бабочек. Пепел носился рядом, пытался меня опередить. Потом мы с ним слышали странный стук в самой чаще леса и двинулись туда гуськом. Первой шла я, раздвигая ветки деревьев, вдыхая хвойный аромат. Стук. Стук. Стук. Этот звук

манил. Притягивал. И я стала быстрее работать руками. Одну ветку не удержала, и она больно хлестнула меня по щеке. Пускай. Все потом. Сейчас мне надо было туда. В лес.

Я проснулась от глухого стука. Кто-то колот дрова во дворе. Пепел сидел на подоконнике, смотрел в раскрытое окно и наблюдал. Услышав, что я поднялась, фамильяр обернулся и, хитро прищурившись, спросил:

– Пойдем знакомиться с Корским?

– Почему нет, – ответила я.

Подошла к Пеплу и замерла... Забыв на мгновение, как дышать. Первые лучи золотили светлые волосы обнаженного по пояс мужчины. Он стоял ко мне спиной. Загорелый. Под кожей после каждого движения рук перекачивались мышцы. И я подумала, что могла бы... вечно так стоять и смотреть на незнакомца. Неожиданно мужчина повернулся и поднял голову. Я не успела спрятаться за шторку и решила, что ни к чему уже отступать. С интересом разглядывала разлет темных бровей, искрящиеся весельем синие глаза, прямой нос, тонкие губы, на которых появилась усмешка, волевой подбородок.

Незнакомец слегка склонил голову в знак приветствия. Я тоже кивнула, пытаюсь вдохнуть воздуха. Мои щеки пылали, внутри разгорался жар, а на кончиках пальцев засверкали искры. Мужчина как ни в чем не бывало повернулся ко мне спиной и продолжил свое занятие. В то время как я желала спуститься и познакомиться...

– Яся, ты втюрилась в секретаря князя?

Перед глазами появился Пепел, он-то и привел меня в чувство. Я отступила от окна и спрятала руки за спиной, испугавшись разбушевавшейся магии.

– Ты меда объелся? – воскликнула я и тут же закрыла себе рот рукой. Еще не хватало, чтобы красавчик услышал, как я ругаюсь с фамильяром. И прошептала: – Ничего я не влюбилась. Немного не ожидала... Да. Только проснулась, а тут...

– Яся, ты не вздумай влюбляться, а то тебе еще с секретарем Корским беседу вести, – усмехнулся Пепел и прикрыл окно.

– Мне хватило предыдущего ухажера. Так что все, с любовью я завязала, – твердо произнесла... Ну или почти твердо.

Первый раз я влюбилась, когда мне исполнилось двенадцать лет. Его звали Сашка, и он любил другую, Маринку. А я даже смотреть ему в глаза боялась. Думала, вот взгляну на него и оторваться не смогу. Буду стоять и таращиться. Поэтому с Сашкой я разговаривала, глядя в сторону или опустив голову. Он был старше меня на два года. Черноволосый с зелеными глазами. О нем мечтала не только я, а все мои подружки. Но в отличие от девочек, я ревниво не вздыхала, а подшучивала над соперницей. В общем, строила козни, как могла со своей слабой магией. Маринка меня ненавидела, я отвечала ей взаимностью. А потом у Сашки появился соперник, в два раза выше его. И мой герой... струсил. Уступил Маринку. Я разочаровалась и... разлюбила. Трусов не терплю по сегодняшний день.

Вторая любовь оказалась крепче, и отходила я от нее дольше. С Василием я встретилась в академии, и мы не могли оторвать друг от друга взгляда. Рыжий, наглый и при этом душа компании. Вася читал мне стихи, осыпал комплиментами. Я обожала его... Нас считали парой, и я мечтала о свадьбе. Думала, что после последних экзаменов Вася сделает мне предложение, но... Я приехала раньше и застала любимого с однокурсницей на нашей кровати. Потом я узнала, что Вася любил не только меня, а... всех студенток. Вот так. С тех пор, когда мне говорят комплименты, я всегда жду подвоха. И рыжих... и Вась... терпеть не могу.

После академии прошло два года, и то ли я разборчивая стала, то ли мужчины перестали меня интересовать, только сердечко больше не екало, а вот сегодня утром... Вспомнила полураздетого соседа и снова стало жарко. «Нет, Яся, так не пойдет!» – думала я, пока умывалась и надевала голубое платье с плиссированной юбкой, подпоясывалась белым пояском и доставала светлые босоножки. Шляпку повернула кокетливо, наискосок. В зеркало я взглянула, прежде

чем вышла из дома Степаниды Григорьевны. Хозяйка меня накормила блинами со сметаной и сказала, что сосед дома, недавно дрова колот во дворе. Я промолчала, что мы с ним уже... так сказать, познакомились. Вручила Степаниде Григорьевне оплату за неделю и отправилась к секретарю. Пора было браться за работу, может, тогда дурацкие мысли о Павле Петровиче вылетят из головы. Пепел от меня не отставал, семенил рядом и хитро поглядывал.

Перед калиткой я еще раз поправила шляпку, зачем-то отряхнула подол платья. Я нервничала, и мне это не нравилось.

– Хватит прихорашиваться, пошли уже, – фыркнул Пепел и толкнул калитку. Она легко отворилась.

Во дворе идеальный порядок, подстриженная трава и тропинка к широкому крыльцу дома белыми камешками выложена. Ни собак, ни кошек, даже птиц не слышно.

– Как-то тихо... Слишком... Тебе не кажется? – прошептала я и фамильяр согласно кивнул. – Чужой магии я не чувствую, но что-то давит.

– Вдохнуть не дает, – добавил фамильяр. – И я ощущаю взгляд на затылке.

Пепел оглянулся. Я тоже. Никого. Снова посмотрели на дом, сложенный из толстых бревен. Медленно направились к крыльцу, поднялись по ступенькам и постучали по дубовой двери. Тишина. Я взялась за резную деревянную ручку, но тут дверь неожиданно распахнулась, и я налетела на широкую грудь хозяина дома. Замерла, вдохнув аромат хвои, лесных трав и подняла голову. В синих глазах плескалась насмешка, а я потерялась. Мне бы отойти, убрать руку, под которой мирно билось сердце мужчины. «Похоже, я вляпалась», – мелькнула мысль, прежде чем Пепел легко запрыгнул мне на плечо.

– Здравствуйте, Павел Петрович, а мы к вам, по делу, – громко заявил фамильяр, разрушая магнетизм секретаря, и я смогла отвести взгляд от синих глаз.

– Доброе утро, меня вы знаете, а сами кто будете? – приятным баритоном спросил Корский.

– Ярослава Калинина, получила от вас письмо с приглашением приехать в Дубраву, – ответила я. Пепел продолжал щекотать кончиком хвоста мою щеку, отвлекая. Потому что собраться никак не выходило, хотелось стоять рядом с Корским, вдыхать аромат леса и смотреть в синие глаза. Что будет со мной, когда Павел Петрович меня поцелует?

– Ах, – выдохнула я, потирая укушенное фамильяром плечо.

– Проходите, долго вы добирались до Дубравы, Ярослава Никитична, – Корский пошире открыл дверь, впуская нас в дом.

– Можно просто... Ярослава, – улыбнулась я. – А приехала сразу, как получила письмо.

Пепел слегка приподнял голову и приняхивался.

– Тогда и вы меня Павлом зовите, – усмехнулся Корский. Мы вошли в большую светлую комнату. Круглый стол, накрытый белоснежной скатертью, стоял возле окна, диван, кресло-качалка у камина, сервант. Вот и вся мебель. Уюта не хватало, и складывалось такое впечатление, что здесь и не жили даже.

Я подошла к закрытому окну, вид оказался прямо на калитку. Значит, Павел видел нас, пока мы шли, теперь понятно, почему так быстро открыл дверь. Значит, мог вполне успеть подготовиться к встрече.

Постепенно я приходила в себя, и симпатичное лицо секретаря все меньше волновало. Наверно, сказывались печальный опыт и ведьминская натура. Нет, я все еще ощущала жар на кончиках ушей и слегка волновалась под насмешливым взглядом Корского. Но странные конверты волновали сильнее. Все выясню... позже.

– Павел, можете вы рассказать, что случилось с князем Белоярским? И как давно? Какие симптомы у князя? – говорила я спокойно. Даже присела за стол на изящный стульчик. Пепел, обнюхивающий углы комнаты, остановился, глянул на меня и принялся осматриваться дальше.

– Вам все князь расскажет. Моя задача была отослать вам письмо, встретить и проводить к усадьбе, – вежливо произнес Корский. Он продолжал стоять у двери, засунув руки в карманы штанов. Изучал. Внимательно. Не только меня, но и моего фамильяра.

– И ничего опасного нет? А как же те чиновники, о которых я читала? Они после посещения усадьбы Стародуб сразу увольнялись. – Я решила не тянуть, сказать как есть. Порой узнать правду можно вот так, если сразу задать вопрос в лоб. Ухмылочка ушла с губ секретаря. Занервничал. И настроение мое поднялось.

– Почему чиновники увольнялись, я не знаю.

Лукавил. Интуиция ведьмы меня еще ни разу не подводила.

– Они приходили к князю с различными требованиями, с придуманными пошлинами и штрафами. Может, их совесть замучила, вот и уволились, – пожал плечами Павел. – Чаю не хотите?

– Не откажусь, – сказала я, и Корский вышел из комнаты.

Пепел закончил осмотр и снова оказался на моем плече.

– Хорошо держишься, – прошептал фамильяр. – Магии в этом доме нет, а вот секретарь очень загадочный и как-то слишком лесом пахнет.

– Ты слышал, что он ответил про чиновников? Похоже на правду. Сейчас чай попьем и поедем в усадьбу. Только мне надо зелья свои захватить... Забыла я, – вдруг вспомнила про пояс.

– Ты наряжалась как на свидание, а не на деловую встречу, – фыркнул Пепел.

Я лишь успела шикнуть на него, когда появился Павел с подносом в руках. Фамильяр прыгнул на подоконник и застыл на нем как фарфоровая статуэтка, глядя во двор.

Корский поставил на стол две чашки, и я почувствовала аромат душицы. Также секретарь принес вазу шоколадных конфет. К сладкому я была равнодушна, вот пирожок с яйцом и зеленым луком с удовольствием бы поела.

– Вы остановились у Степаниды Григорьевны. – больше уточнил, чем спросил Павел, пододвигая ко мне чашку чая.

– Да, я приехала вчера вечером. Дома вас не оказалось, и ваша соседка любезно предложила мне пожить у нее, – ответила я. Затем попробовала чай... Он оказался превосходным.

– Я уезжал по делам, – неопределенно сказал Павел. Секретарь к чаю не притронулся. Корский не отводил взгляда от Пепла. – Никогда не видел фамильяра, способного поглощать проклятья. Надеюсь, что вы поможете князю.

Секретарь взглянул на меня, и я снова почувствовала искры магии на кончиках пальцев. Пространство вокруг нас становилось размытым, ощущение притяжения усилилось. Я заметила, как Павел подался вперед, словно хотел быть ближе. В груди растекалось приятное тепло, и уголки моих губ поползли вверх.

– Кхм, – кашлянул Пепел и я очнулась, наваждение прошло. Разозлившись на свою слабость, я нахмурилась и, чтобы отвлечься, спросила первое, что пришло в голову:

– Если вы секретарь князя Белоярского, почему не находитесь рядом с ним, а живете в Дубраве?

Павел моргнул. Еще раз. Словно тоже приходил в себя. Затем Корский откинулся на спинку стула и ответил:

– Князь не очень общительный. Он дает мне распоряжения, я их выполняю, в Дубраве это сделать проще всего. Здесь есть связь с внешним миром, так сказать.

– А если вы срочно понадобится князю, а вас не будет на месте, как вчера? – не удержалась я и едко поинтересовалась.

– Мы держим связь через артефакт, – в голосе Корского послышалось раздражение. – Предлагаю, сейчас отправиться в усадьбу Стародуб.

– Согласна, только предупрежу Степаниду Григорьевну, что могу поздно вернуться, – сказала я. Мне необходимо было забрать свой пояс на всякий случай, но знать об этом секретарю не нужно. Павел кивнул, и мы с ним договорились, что он будет ждать меня на улице.

Пепел снова вернулся на мои плечи, и мы покинули дом Корского в молчании. Что там фамильяр разглядел за окном, он не говорил. А я вдруг осознала, что, только выйдя на улицу, вздохнула свободно. Напряжение покинуло меня, и я снова могла трезво мыслить. «Так дело не пойдет, — корила я себя. — Мне еще нужно про конверты все выяснить, а как тут допрашивать Корского, если от его взгляда я забываю, как дышать». Вот надо было секретарю оказаться таким красавчиком. Я почему-то думала, что Корский – это столетний старик или мужичок в очках, но никак не первый жених в Дубраве.

Глава 4

Степанида Григорьевна даже слушать не стала мой отказ, всучила мне в руки корзинку, куда положила блины, вареную курятину, хлеб и поставила банку с теплым молоком, да еще и кружки не забыла.

– До усадьбы князя пока доедете, проголодаетесь, – упрямо сказала хозяйка дома. Пришлось взять корзинку. Пепел сунул туда нос, и с обидой в голосе спросил:

– А как же мед?

Я строго взглянула на фамильяра. Мол, прекращай, ты и так вчера банку навернул. Но Степанида Григорьевна всплеснула руками и пошла за медом.

– Забыла. Надо же, – и женщина положила в корзинку баночку с золотистой сладостью.

Хозяйка спокойно отреагировала на то, что я еду с Корским в усадьбу Стародуб. Поэтому я рискнула у нее спросить:

– А вы когда-нибудь встречались с князем Белоярским?

– Один раз и очень давно, да и то мельком в закрытом экипаже его видела. Встретились на дороге. Мы с мужем только поженились и ехали с ярмарки из другого города. Помню, как пронеслась мимо нас карета. Кучер гнал как сумасшедший.

– А почему вы решили, что внутри ехал князь? – улыбнулась я.

– Так личный фамильный знак, герб с медведем на карете, хорошо был виден, – ответила Степанида Григорьевна и тише добавила. – Про князя многое болтают. Мол, он проклят, и каждый, кто его увидит, тоже станет проклятым. Уже не знаю, откуда такое пошло. Но люди боятся к усадьбе приближаться. Возле домов разные чучела установили, чтобы проклятье отпугивать. Я ведь тоже поставила, и многие, только по одной причине – будто верим во всю эту ерунду. Но не будешь, как все, скажут, что с князем заодно и из деревни прогонят. Был у нас случай...

Но тут появился Пепел и схватил из моих рук корзинку.

– Там нас Павел Петрович дожидается. Послал меня узнать, не передумали ли мы ехать.

– Скажи, выхожу, – попросила я. Эх, что ж я вчера не поговорила с хозяйкой. Столько бы узнала. – Я вернусь, и вы мне расскажите, что у вас произошло. Только вот вопрос... Почему секретаря князя никто не прогоняет. Корский же тесно общается с... Хм, проклятым, скажем так.

– Потому что он нужен местному старосте. Корский много чего делает в Дубраве. Ну все, идите, Ярослава. Не знаю, зачем вы поехали к князю. Не дождусь вечера, чтобы узнать, – засмеялась Степанида Григорьевна.

Она нравилась мне все больше. Вчера у нее был такой важный вид, а познакомившись ближе, я поняла, что это добрая женщина. И оплату хозяйка дома взяла невысокую. Скорее для галочки, а не чтобы нажиться. Попрощавшись со Степанидой Григорьевной, я поспешила

на улицу. За калиткой меня ждал Павел на двуколке. Пепел уже сидел рядом с Корским, и они о чем-то разговаривали. Увидев меня, загадочно замолчали.

– Извините, что задержалась. Степанида Григорьевна такая приятная женщина, что не хотелось ее обижать, – быстро проговорила свое полунастоящее оправдание. Синие глаза попутчика волновали, но я прекрасно себя контролировала. И пусть кончики ушей горели как свечки, зато я смогла твердо ответить на пристальный взгляд секретаря.

– Едем! – как-то слишком радостно воскликнул Пепел.

– Торопишься полакомиться проклятьем князя? – поддела я фамильяра. Он лишь фыркнул. Надо будет выяснить у Пепла, о чем он разговаривал с Корским. Поставила корзинку себе на колени. Затем поправила пояс с зельями, заметив любопытный взгляд Павла. Секретарь ничего не сказал, лишь усмехнулся, дернул поводья, и мы поехали.

Гнедой красавец Ураган бежал рысью по проселочной дороге мимо домиков городка, туда... дальше, где на горизонте вырисовывались зеленые холмы, сияло голубизной небо и солнечный шар озарял землю.

– Нам ехать около четырех часов. Прибудем после обеда, но вы не переживайте, вас покормят, – сказал Павел, щурясь от солнца. Я понизе опустила шляпку, и с благодарностью подумала о Степаниде Григорьевне.

– Надеюсь, ночевать нам не придется. Разберемся с проклятьем и вернемся домой. – сказала я без особой надежды. Потому что, помимо проклятья князя, меня еще волновали конверты. И любопытство лишь сильнее разыгралось, когда я приехала в Дубраву. А еще было интересно... Я не выдержала и спросила у Корского. – Почему у вас возле дома стоит чучело совы?

– Неужели вы еще не поинтересовались у Степаниды Григорьевны, почему у всех домов чучела имеются? – откликнулся вопросом на вопрос смазливый хитрец.

Пепел взглянул на меня в ожидании ответа. Я по черным бусинкам-глазкам видела, что фамильяра забавляет наша перепалка.

– Спросила, Степанида Григорьевна сказала, чтобы отгонять проклятье, но все же толком не получилось поговорить, вы заждались у ворот, – парировала я. – Так почему у вас сова? Или это тайна?

– Нет никакого секрета. Сова давно стоит на этом месте, и не я ее делал, а прежние хозяева дома еще сто лет назад. Мне, если честно, самому было интересно, и я покопался в книгах, – Павел быстро посмотрел на меня, и в этот раз его взгляд был серьезным... на удивление. – С одной стороны, сова ближе к тьме, к темной магии, потому что ночная птица. С другой – мудрая хранительница подземных богатств. Я думаю, поэтому хозяева дома выбрали именно чучело совы. Птица не испугается проклятья и сможет его прогнать. Как-то так.

– На самом деле это все ерунда, – вмешался в разговор Пепел. – Никакие чучела не защитят человека, если его проклянут. Тут надо самому быть настолько светлым, чтобы тьма рассеялась, едва тебя коснувшись, или темным, чтобы ты поглотил тьму. Таких людей не существует, все они с оттенками. У кого-то темнее, у кого-то светлее. Оттого проклятья легко находят жертву. Но это ведь тоже не плохо, тогда у нас с Ясей не было бы работы.

Пепел подмигнул мне, и я не удержалась, погладила фамильяра.

– Не поспоришь, – хмыкнул Павел.

– Господин Корски—и—ий! – послышался крик сзади. Мы обернулись: по улице за нами бежал юноша. Я узнала в нем парня, который вчера подсказал мне, как дойти до дома секретаря.

– Сто—о—ойте! – продолжал кричать юноша. Ему повезло, что Павел не разрешал коню пуститься в галоп, а так парень вряд ли бы до нас добежал.

– Тпру—у—у! – Корский остановил Урагана, и конь рассерженно зафыркал. Он только разогнался, наверняка мечтал вырваться за пределы городка, где мог перейти с рыси на галоп.

– Господин... Корс... кий... Фух, еле догнал вас, – задыхался от быстрого бега юноша. – Староста срочно вас зовет! Он ждет в Дубравском музее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.